

© 1997 г., ЭО, № 6

Н.А. Лопуленко, Т.Б. Уварова

НАРОДЫ СИБИРИ И КРАЙНЕГО СЕВЕРА В ПЕРИОД ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

**(Обзор по материалам серии
«Исследования по прикладной и неотложной
этнологии» 1990–1996 гг.)**

В Институте этнологии и антропологии РАН с 1990 г. началось издание малотиражной серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». Первоначально ее редколлегия ставила перед собой задачу делать основной упор на исследовании межнациональных отношений в СССР и за рубежом, куда включались не только традиционные темы, но и такие животрепещущие проблемы, как этноконфликтные ситуации, положение национальных меньшинств, этнических групп и малочисленных народов.

Большая часть авторов этого издания – настоящие или бывшие сотрудники Института этнологии и антропологии РАН, аспиранты и стажеры. Однако в серии публиковались и работы авторов из регионов, владевших на тот момент самой оперативной информацией по изучаемым проблемам, а также специалистов самого высокого класса, делавших глубокий анализ отдельных актуальных проблем.

В географическом плане публикации серии охватили почти всю территорию бывшего Советского Союза. Особенно широко в ней представлены Северный Кавказ, Средняя Азия и Казахстан, все автономные республики России, районы, населенные малыми народами Севера, а также бывшие советские республики – Литва, Эстония, Латвия, Белоруссия, Украина, Молдавия, Грузия. Кроме того, в серии нашли отражение проблемы межнациональных отношений за рубежом (США, Индия, Китай, Мексика, Испания, Югославия).

Отдельным направлением стали исследования, посвященные народам Сибири и Крайнего Севера России. Среди первых в основном народы, имеющие свои государственные образования: тувинцы, алтайцы, хакасы, буряты и якуты, а также не имеющие таковых сибирские татары и телеуты. В этих статьях подход скорее этнорегиональный и этнополитический, т.е. главный упор в них делался на анализ этнополитической ситуации того времени, а этнокультурный стоял на втором плане. В случае же с малыми народами Севера (ульта, эвены, чукчи, ханты, селькупы, удэгейцы и др.), наряду с обстоятельным обзором этнокультурной ситуации, разрабатывались новые пласты прикладной российской этнологии: традиционное землепользование в современных условиях, некоторые аспекты юридической антропологии, предлагались частные программы и более широкие проекты дальнейшего этнокультурного развития малых народов Севера.

Общей чертой социально-политического развития бывших автономных республик Сибири начала и середины 90-х годов стали: в экономической сфере – глубокий спад производства, в политической – развитие национальных партий и движений. Некоторым сибирским автономиям было посвящено по несколько статей, что, с одной стороны, позволяет в какой-то степени вывить динамику процессов во времени, а с другой – рассмотреть происходившие там процессы под разным углом зрения.

М.Я. Жорницкая провела свое исследование в Тувинской АССР и Хакасской АО в мае-июне 1990 г. в период первых крупных столкновений на национальной почве между русскими и титульным населением республик¹. В отношении Тувы она пришла к выводу, что расстановка общественных сил в ней еще недостаточно четко проявилась, хотя инициативы творческой и научной интеллигенции титульной национальности по созданию Народного фронта Тувы во многом способствовали обострению ситуации. Относительно Хакасии автор заключила, что рост национального самосознания у хакасского населения и его требования изменения экономических отношений области с Центром отрицательно сказались на культуре межэтнического общения в регионе.

В.Я. Бутанаев² отнес возникновение национального движения в Хакасии к 1917 г. и связал его с борьбой

за национальную государственность. В результате социально-экономической политики советской власти, по мнению автора, «хакасы утонули в нахлынувшей массе переселенцев»³, была разрушена традиционная среда их обитания, коренные жители оказались бесправным меньшинством. Вместе с тем за тот же период завершился процесс консолидации хакасского народа. Все это происходило на фоне роста смешанных браков, число которых стало довольно значительным, а культура народа, как указывает автор, «может созидаться и развиваться только в том случае, когда носители ее составляют или доминирующее большинство или компактную этническую среду»⁴. Современная хакасская молодежь, отличающаяся своими демократическими настроениями, включилась в движение за возрождение национальной культуры и в борьбу против этнической ассимиляции. Стала возрождаться национальная религия «Ах чаян» – вариант алтайского бурханизма. Хакасы получили возможность бесплатного образования в Турции.

В Туве к 1992 г. социально-экономическая ситуация, по оценке Н.П. Москаленко⁵, характеризовалась развитием предпринимательства и формированием многоукладной экономики при общем снижении уровня жизни всех основных слоев населения (рабочих, крестьян, интеллигенции), ростом преступности и наркомании, а общественно-политическая жизнь – образованием множества партий и общественных организаций. Противостояние между тувинским и русским составом депутатского корпуса отсутствовало.

Вторая по численности группа населения – русские – составляла около трети всех жителей республики, подразделяясь на старожилов и новоприбывших. Автор отметила, что среди русских и тувинцев существовала значительная разница в оценке положения первых. В обострении отношений между ними определенную роль сыграли средства массовой информации и деятельность Народного фронта: «...по мере расширения деятельности НФ Тувы, усиления синдрома национализма среди части тувинского населения, возникли проблемы у русских в Туве»⁶. По ее мнению, для русских старожилов возникла необходимость создания национально-культурной автономии.

В условиях проведения широких реформ и демократизации общественной жизни в Республике Тыва начался процесс возрождения традиционных форм национальной культуры, создания национально-культурных обществ. Деятельность последних акцентировалась на воссоздании традиционных тувинских праздников, некоторых традиционных институтов, в частности так называемого «рода», на возрождении буддизма (строительство храмов, издание литературы, налаживание связей с зарубежными представителями буддистской конфессии).

Своеобразным дополнением к статье Н.П. Москаленко служит характеристика социально-демографической, этнической, языковой и политической ситуации в Туве накануне и после выборов 1993 г., данная А. Кужугет и М. Татаринцевой⁷. Основными политическими партиями и движениями, которые имели существенное влияние на социально-политическую ситуацию в республике, стали Народная партия суверенной Тывы, Тувинская республиканская организация коммунистов, Тувинская республиканская организация Социалистической партии трудящихся, Национальное движение Народный фронт «Хостуг Тыва». Ни одна из партий не являлась ультрарадикальной или оппозиционной правительству республики. В целом социально-политическая ситуация характеризовалась как стабильная. Результаты выборов показали, что основным принципом, определившим выбор избирателей, стал личностный подход: люди голосовали за тех, кого знали.

В.Я. Кыдыева⁸ отметила рост этнического самосознания, интерес к истории и родному языку в среде алтайцев. Коснувшись проблем русской части населения Алтая, автор особо остановилась на роли так называемого «рериховского движения». Общественная же жизнь республики того времени характеризовалась образованием новых партий, не имевших, как правило, самостоятельных социально-экономических программ. Два сформировавшихся депутатских блока различались не столько по политическим убеждениям, сколько по этнической принадлежности: к «националистическому блоку» были причислены алтайцы, к «демократическому» – русские. Среди общественных организаций наиболее активными стали «Эне тил» – «Родной язык», «Ак Буркан» (религия алтайцев). Новым явлением стало возрождение института «рода», по всей республике прошли праздники-сборы «родов» с выборами их глав.

Социально-экономическая ситуация в Бурятии⁹ характеризовалась резким спадом производства и безработицей, этноязыковая – дальнейшим сокращением числа бурятской молодежи, свободно владеющей родным языком. Исследователь этих процессов С. Буяхаев отмечал, что придание языку в 1990 г. статуса государственного стало попыткой приостановить этот процесс. Главную роль в политической жизни региона играли две партии – Бурят-Монгольская народная партия (БМНП) и Забайкальский Союз русского народа. Их реальное влияние из-за малочисленности оказалось незначительным, поэтому «разделение» политической жизни по национальному признаку не сказывалось отрицательно на межнациональных отношениях. В республике были созданы национально-культурные центры, среди которых – Всебурятская ассоциация развития культуры (ВАРК), Республиканский центр эвенкийской культуры, Корейский культурный центр, планировалось создание немецкого культурного центра. Эти центры должны были создать культурную инфраструктуру межнационального согласия.

Другими общественно-политическими организациями стали: Движение национального единства «Нэгэдэл», Движение «Демократическая Бурятия» (ДДБ), ориентированные на интересы бурятского населения,

Забайкальский союз русского народа (ЗСРН), Верхнеудинский отдел Забайкальского казачьего войска (ВОЗКВ), Народно-патриотическая партия (НПП), отражавшие интересы русского населения, особенно казачества.

Возрождение буддизма также оказало заметное влияние на общественную жизнь республики. Эту проблему подробно рассмотрела Н.Л. Жуковская¹⁰, характеризуя этнорелигиозную ситуацию в 1991–1993 гг. в Бурятии. Ею отмечено бурное возрождение в республике традиционных народных религий и верований как малых народов, так и титульного этноса. Однако этнические интересы проживающих здесь народов достаточно сбалансированы и поэтому процессы возрождения национальных культур и связанных с ними религиозных верований будут развиваться мирно и медленно. Исследовательница проследила исторические корни нынешней этнорелигиозной ситуации в Бурятии, останавливаясь на основных этапах ее исторического развития с XVII в. по 80-е годы XX в.

Социально-политологический анализ выборов в Бурятии, считают Л.О. Абаева и Б.П. Крынев¹¹, показал, что период начала 90-х годов как бы «подвел итоги одной политической системы общества и обозначил новый качественный переход республики на пути суверенного демократического правового государства в составе Российской Федерации»¹². Результаты голосования 1993 г., проанализированные по «вертикали» и «горизонтали», были сопоставлены с данными социологических обследований, проведенных накануне выборов. Особенностью выборов стало то, что предпочтение на местах отдавалось движениям и партиям демократической направленности, а в обе палаты Федерального Собрания были избраны кандидаты «умеренного» блока «Социальная справедливость», что совпало с прогнозами социологов. Выборы выявили организационную слабость и недостаточную влияние национальных движений и партий в среде бурятского населения.

Этнографические, социально-экономические и демографические особенности Якутии исследованы в статье Ф.М. Зыкова¹³. Отношение населения республики к деятельности общественных организаций и партий было выявлено при социологическом опросе в рамках программы: «Государственный суверенитет республики: политические, правовые, социологические аспекты». Одной из особенностей политической ситуации того времени стало то, что политическая терминология начала приобретать национальную окраску. Политическая ситуация, которая неизбежно становится несколько более напряженной во время политических кампаний, после них стабилизируется, поскольку в республике нет, как считал автор, объективных причин для противостояния.

По-иному оценивалась ситуация в этой же республике А.М. Ивановым¹⁴. Особенностью ее стала «сила вертикальных структур власти», при наличии которых реальной оппозиции президентской власти практически не существовало. Наиболее влиятельными объединениями были – Союз якутских общественных объединений, Коммунистическая рабочая партия, Демократическая партия, Республиканская народная партия и др. Этнополитическая ситуация в регионе определялась прежде всего динамикой развития отношений между якутами и русскими, а также проблемой возрождения малых народов Севера. Автор подчеркнул, что «с появлением "феномена этнического возрождения" и ростом национального сепаратизма... проблема использования этничности как средства коллективной борьбы за обладание материальными преимуществами на социально-политической арене приобретает все большую остроту»¹⁵. В соответствии с этим в республике того времени проводилась политика социально-экономического и культурного «сдерживания» в отношении русского населения. Одним из основных направлений в политике национального возрождения стала разработка программы по сохранению и развитию языков коренных этносов Якутии. Важную роль приобрел процесс развития экологического мышления в политической жизни общества и планах его экономического развития.

Роль научных исследований в развитии этнополитических процессов показана в статье С.М. Исаковой и Ф.-Т. Валеева, посвященной сибирским татарам¹⁶. Рост национального самосознания среди сибирских татар приобрел характер национального движения по их возрождению. Однако развитие этого движения тормозится нерешенностью проблем их этногенеза и, соответственно, различными подходами в определении их будущего. Так, часть ученых считает сибирских татар ветвью единого татарского этноса, не отличая от поволжских и других групп российских татар, другие – самостоятельным этносом. Особое внимание уделено этноязыковой ситуации у сибирских татар, предложены конкретные рекомендации по возрождению их языка.

Особенностью этнического состава населения Кемеровской области, как отметила Е.П. Батянова¹⁷, является его пестрота. При подавляющем большинстве русских там существует 104 национальных поселения, более 50% из них полностью мононациональны. Явных межнациональных конфликтов не наблюдалось, что вызвано, по утверждению автора, давними традициями межнационального добрососедства. Кроме того, ею выявлен высокий уровень регионального самосознания, объединяющего всех жителей области.

Большая часть коренных национальностей родные языки утратила, но в последние годы проявились тенденции к их ревитализации. В среде малых народов началось возрождение шаманизма, так как для многих он стал символом традиционной культуры. В то же время возрос уровень общемуусульманского

конфессионального самосознания – телеуты-мусульмане идентифицируют себя с сибирскими татарами.

Продолжающаяся эксплуатация природных ресурсов в зоне традиционного природопользования шорцев и телеутов разрушает экологический баланс, в частности, обеспечение традиционного пищевого рациона. Чрезвычайно высокая криминогенность, обусловленная наличием большого числа исправительно-трудовых учреждений в области, сказалась и на росте преступности в среде коренного населения, и на распространении алкоголизма в регионе.

Основной задачей ассоциаций телеутов и шорцев стало включение этих народов в список малых народов Севера, что, несомненно, поможет им выжить в экстремальной ситуации.

* * *

Одной из тем, регулярно освещавшихся в серии, является проблема современного этнокультурного развития малых народов Крайнего Севера. Не все эти группы имеют автономию. Произошли изменения в численном соотношении между коренным и пришлым населением, сократилась доля коренного населения в общем демографическом балансе региона. В деятельности административного и хозяйственного аппарата превалировали интересы экономического развития региона, а проблемы коренного населения отступили на второй план. Продолжался процесс утраты родных языков, навыков ведения традиционного хозяйства. В поселках появилась прослойка люмпенизированного населения.

Во всех работах этой тематики дана этнодемографическая характеристика изучаемого народа или региона, приведены общие сведения о состоянии традиционных культур. Большое внимание уделено исследованию межнациональных отношений. Так, в статье А.И. Кузнецова и Л.И. Миссоновой¹⁸ отмечено значительное сближение эвенов с ульта (ороками). С ними последние почти не смешивались из-за различий в хозяйственно-культурном типе. Все коренное население Сахалина осознает свое единство и противопоставляет себя приезжему и старожильческому населению. Отношение к нему русских варьировало от неприязненных у недавно прибывших до дружеских у старожилов. Дискриминации по национальному признаку на острове не наблюдалось. Исследователи отметили трудности адаптации к новым условиям труда у коренного населения при найме на работу. Местные администраторы, понимая сложность положения, сами просили выделить земли приоритетного землепользования для представителей малочисленных народов. Отделение Ассоциации народов Севера поддержало эти и другие требования, в том числе создание кооперативов, признание этнонима «ульты». Однако деятельность ассоциации слабо поддерживалась коренными жителями, чье политическое самосознание было еще недостаточно развито.

В другой статье этих же авторов¹⁹ была отмечена ассимиляция эвенов, проживающих в Якутии, якутами, смешение двух разных хозяйственно-культурных типов: если раньше охотниками и оленеводами были преимущественно эвены, а скотоводами – якуты, то теперь различий практически нет. Продолжала сокращаться сфера употребления эвенского языка. Общение в семьях и вне их, преподавание в школах ведется на якутском языке. Однако при постоянном уменьшении доли «одноэтничных» эвенов и увеличении тех, кто был рожден в смешанных эвено-якутских семьях, сокращения общей численности эвенов не происходит. Если до образования национального района детей из смешанных браков чаще записывали якутами, то после его создания престижнее называться эвеном. Многие сменили национальность при получении паспортов, в чем большую роль сыграли специальные льготы, которые, по мнению авторов, на деле противопоставляют эвенов якутам. По этому поводу авторы пишут: «Любой человек в многонациональной стране являет собой две ипостаси: он гражданин этой страны и представитель своего народа... Как гражданин он имеет равные с людьми всех других национальностей права, а, следовательно, не должен иметь никаких преимуществ, льгот. В то же время, учитывая малочисленность народов, государство оказывает им всемерную помощь в сохранении их как народов... Но государство оказывает помощь всему народу в целом для его сохранения, а не отдельным его представителям в виде материальных подачек-льгот»²⁰. С середины 80-х годов под влиянием национальной интеллигенции активизировался процесс роста самосознания у эвенов. Требования о создании эвенского национального района были поддержаны и местными якутами, численность которых составляет две трети от общего числа населения.

Развитие межнациональных отношений в Чукотском автономном округе было освещено И.С. Гурвичем и Е.П. Батъяновой²¹. По их мнению, взаимоотношения между приезжим и коренным населением на Чукотке в целом благоприятны. Однако некоторая напряженность в межнациональных отношениях чувствовалась и здесь, отражая кризисную ситуацию во всех сферах общественной жизни и рост национального самосознания в стране. В основном это происходило на бытовом уровне, отчасти было вызвано невысоким уровнем культуры приезжего населения, его этнографической безграмотностью. Кроме того, эта напряженность подпитывалась преобладанием приезжего населения, непродуманной кадровой политикой (даже квалифицированные работники из числа коренных национальностей не могли найти работу, в то время как рабочие места в родных поселках были заняты приезжими, зачастую не

имевшими профессиональной подготовки). Вместе с тем, большое число смешанных браков свидетельствует о том, что между коренным и приезжим населением, особенно в урбанизированных центрах, не существует психологических барьеров. Для решения местных проблем авторы предложили создать внутри сельских советов национальные общины, либо тундровые советы, либо депутатские палаты в органах местной власти, которые должны представлять интересы коренных жителей. Развитием национальной культуры, традиционных промыслов, вопросами экологии уже занимались отделения национальных ассоциаций.

Рост политического самосознания в среде малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области отметил и В.И. Васильев²². На материалах Шурышкарского района он показал, что сокращения численности коренного населения фактически нет, район стабилен по национальному составу, в нем преобладало коренное – хантыйское население. Традиционное разделение в производстве сохранялось. И хотя коренное население в руководящем составе было представлено слабо, однако в политических органах его представительство было достаточно высоким (депутаты). В автономии были образованы общественные организации коренного населения, в частности ассоциация «Ямал – потомкам». Под эгидой последней начало активизироваться кооперативное движение, была создана национальная научная лаборатория. Вместе с тем в округе проявились сепаратистские и националистические тенденции, сопровождавшиеся требованиями его выхода из области и передачи Ханты-Мансийскому АО, удаления коми и русских, а также служебным патернализмом по отношению к хантам. Для пробуждающейся политической активности коренного населения были характерны также растущее стремление участвовать в общественной жизни, решать хозяйственные вопросы, сохраняя целостность экосистемы, выступления против строительства нефтепроводов, железных дорог и т.п.

Наряду с анализом конкретных ситуаций, авторы представленных работ, посвященных малым народам Крайнего Севера, стремились дать подробные рекомендации, которыми могли бы воспользоваться как законодательные органы, так и органы исполнительной власти различного уровня при решении проблем малочисленных народов Севера. Специалисты практически единодушно определяют традиционные виды хозяйственной деятельности как совершенно особую отрасль экономики, имеющую крайне важное социокультурное значение для представителей этих народов, характеризующуюся не только соответствующим типом трудовой занятости, но также и особым образом жизни и уникальными культурными традициями.

З.П. Соколова на материалах Сургутского и Нижневартовского района Ханты-Мансийского АО Тюменской области²³ выявила несколько актуальных проблем современной экономики, национальной политики и культуры хантов: 1) развитие форм национальной автономии и в то же время многоступенчатая иерархия подчинения автономных округов области, 2) увеличение представительства коренного населения в местных органах власти, 3) создание национальных сельских советов, объединяющих национальные поселки хантов на территориях их традиционного расселения, 4) передача национальных поселков в административное подчинение организациям, занимающимся только добычей нефти и газа.

В связи с нефтедобычей загрязнение окружающей среды приобрело катастрофические размеры, возникла напряженность в отношениях между коренным и приезжим населением (разорение угодий, могил, отстрел домашних оленей и др.). Оплата труда у коренного населения была ниже, чем у приезжего, трудоустроенность – неполная, некоренное население использовалось в основном на неквалифицированных работах. Традиционные отрасли хозяйства продолжали сокращаться, многие угодья были испорчены, оленеводство подорвано, не были решены и проблемы жилья, образования и здравоохранения; большую тревогу вызывает проблема алкоголизации коренного населения. Даже компенсационное строительство и выделение определенных средств не дало желаемых результатов. Автор предложила создать заповедную зону на территории Угутского сельсовета, а также дать право выхода руководства автономной области непосредственно в высшие органы власти, поскольку решить проблемы природо- и землепользования местные власти не могут.

Селькупы севера Томской области, как показано в статье В.И. Васильева и С.М. Малиновской²⁴, при утрате родного языка и традиционной культуры все же еще обладали этническим самосознанием. Было создано национальное общество томских селькупов, которое стало инициатором образования национальных общин в местах компактного проживания этого народа. Авторы выдвинули концепцию воссоздания этнической мобильности и этнокультурной и языковой стабилизации селькупов, которая включила в себя семь направлений: 1) создание национально-политических и хозяйственных структур в местах исторического расселения коренных народностей Томского Севера, 2) ревитализация языков и диалектов коренного населения, 3) меры по оживлению традиционной материальной и духовной культуры; в рамках этого направления предусмотрено предоставление территориям национальных сельских общин статуса этнических заповедников (этнопарков), а их жителям права приоритетного природопользования на этой территории, 4) возрождение национальной школы, которое включало бы этнологическое образование, трудовое обучение традиционным навыкам хозяйствования, физическую подготовку, адекватную природным условиям Севера, обучение родному языку, нравственное и эстетическое

воспитание, основы исторического краеведения, 5) развитие органов здравоохранения, 6) организация в каждой национальной общине культурных центров, 7) сохранение историко-культурного наследия.

Нарушение нормального развития традиционного хозяйства отметил в своей работе В.А. Шнирельман²⁵, подчеркнувший, что это стало общей закономерностью для всех групп удэгейцев Хабаровского края. Это произошло в связи с укрупнением и специализацией производственных образований, не учитывавших гибкости, свойственной их традиционной хозяйственной деятельности. Кроме того, в некоторых районах в связи с вырубкой лесов были уничтожены промысловые угодья, вследствие чего некоторым группам удэгейцев пришлось даже покинуть родные места. Однако большей их части все же удалось до сих пор сохранить свои традиционные хозяйственные навыки в охоте, рыболовстве и собирательстве. В последние 10–15 лет в связи с ростом национального самосознания стал наблюдаться «культурный ренессанс», стремление к становлению культурных традиций. В связи с экологическими проблемами, возникшими в результате деятельности некоторых совместных предприятий по вырубке и переработке древесины, автор рекомендовал передать земли традиционного природопользования под юрисдикцию тех коренных народов, которые там проживают, в связи с чем автор обосновал следующие рекомендации: 1) необходима детально разработанная законодательная основа традиционного землепользования; 2) при разработке законодательства следует избегать жестких формулировок, коренное население на местах должно решать, какую форму собственности им выбрать; 3) собственность на недра должна быть отдана коренным жителям при жестком государственном контроле; 4) следует дать различные права охотникам из числа малых народов Севера и пришлого населения; 5) необходимо привлечение коренных обитателей Севера к охране природной среды; 6) следует создать систему национальных парков, заповедников и заказников; 7) для эффективной разработки систем природопользования и землевладения необходимо значительное финансирование, ибо экономия средств на этом обернется значительными потерями в будущем.

Резервирование обширных земель в качестве «территорий традиционного природопользования» остается последней возможностью сохранить природно-ресурсную базу традиционного сектора экономики и связанных с ним групп населения, а, следовательно, – и их культуру и образ жизни.

В статье А.Н. Ямска²⁶ проанализировано Временное положение о «территориях традиционного природопользования» (ТПП) в Хабаровском крае. ТПП определены как земли, переданные «общинам» или «представительным органам» малочисленных народов Севера в «вечное пользование» для ведения традиционной хозяйственной деятельности. Практическое применение Временного положения о ТПП в Хабаровском крае привело к следующему.

Во-первых, на практике сложились два класса субъектов, использующих ТПП: «родовые» и «семейные» общины малочисленных народов Севера и предприятия – частные, кооперативные, государственные и коллективные. В соответствии с этим в рамках ТПП выделено два класса земель: «земли традиционной хозяйственной деятельности» малочисленных народов Севера и остальные ТПП.

Недостатками положения, с точки зрения автора, являлись отсутствие в нем статей, регулирующих права предприятий и лиц, не принадлежащих к малочисленным народам Севера, а также статей, регламентирующих процесс создания и функционирования «родовых» и «семейных» общин; отсутствие четкого определения того, кто именно может представлять малочисленные народы Севера в области контроля за использованием ТПП. По мнению А.Н. Ямска, необходимо законодательное определение предельной доли представителей других народов в «общине», позволяющей считать последнюю общиной малочисленных народов Севера.

Автор предложил усилить ту часть положения, которая регламентирует права и обязанности государственных служб охраны природы по мониторингу состояния возобновимых природных ресурсов на ТПП. В основу законодательства о ТПП, по его мнению, необходимо положить идею о полифункциональности ТПП, сочетающую следующие подходы: 1. Э к о н о м и ч е с к и й: а) выделение «традиционного спектра экономики» в качестве особой отрасли хозяйства; б) признание государством своей ответственности за дальнейшее развитие данного сектора экономики; в) определение ТПП как ключевого элемента традиционного сектора. 2. Со ц и а л ь н ы й: а) признание государством права занятых в традиционном секторе экономики на занятость; б) обеспечение жителей отдаленных поселков и районов транспортными связями с городскими центрами. 3. Э к о л о г и ч е с к и й основан на признании того, что ТПП уже сейчас официально считаются одним из 12 видов «охраняемых территорий» страны. 4. Э т н о к у л ь т у р н ы й подход базируется на общепризнанном мнении о нерасторжимой связи этнической культуры и производственной деятельности в сфере традиционного хозяйства.

Тема практической этнологии продолжена в двух статьях Н.А. Лопуленко, посвященных коренному населению Аляски. В первой из них – «Правовой статус и самоуправление у аборигенов Аляски»²⁷ отмечено, что взаимоотношения туземцев Аляски с правительством США включают четыре специфических подхода в их реализации: 1) защита туземных земель и ресурсов; 2) развитие системы социальной защиты; 3) защита средств жизнеобеспечения; 4) содействие туземному самоуправлению. Осуществляемая с начала 70-х годов политика содействия самоопределению индейцев дала им возможность более успешно использовать своих возможностей и прав. В настоящее время индейские общины являются относительно

независимыми в административном отношении, занимая особое положение в политико-экономической структуре страны. Автономный статус включает в себя особые привилегии, однако правительство обладает властью ликвидировать или защищать их. Этнокультурная специфика проявляется в некоторых социальных функциях, одна из них – регулирование собственного членства в общинах. Интересы коренного населения Аляски представляют огромное количество институтов, которые можно сгруппировать следующим образом: 1) органы местного самоуправления; 2) коммерческие корпорации, 3) некоммерческие корпорации социального обслуживания; 4) мультирегиональные политические организации.

По своим политическим и социальным функциям община коренного населения США в корне отличается от традиционных общин, являясь совершенно новым социально-политическим образованием. Органами местного самоуправления являются муниципалитеты, традиционное туземное самоуправление, традиционные деревенские советы, Центральный совет тлинкитов и хайда, существует определенное соотношение органов власти муниципальных и созданных на основе Индейского реорганизационного акта (ИРА). Однако нечеткость критериев, по которым различаются эти формы самоуправления, ведут иногда к тому, что общины подпадают под двойное управление. Важную роль в туземном самоуправлении играют также деревенские корпорации, кооперативные ассоциации, корпорации, созданные на основе Закона об удовлетворении исков, Конференция вождей индейцев танана, Ассоциация Манилак, Ассоциация туземцев Бристольского залива и мультирегиональные политические организации. Сейчас на первый план выдвигается проблема защиты культурной самобытности туземных общин путем активизации политической власти органов самоуправления.

В работе «Американский опыт урегулирования проблем коренного населения»²⁸ выделяется несколько этапов в политике правительства по отношению к коренным этносам.

Благодаря своей культурной и образовательной политике, а также некоторой автономизации, общины играют важную роль в сохранении индейских этносов, их культур и этнического самосознания. Наметилось три неравномерно развитых вида участия резервационных индейцев в промышленном секторе государственной экономики: использование рабочей силы вне резерваций, создание в резервациях промышленных предприятий, развитие индейского предпринимательства. Третий вид предполагает использование в современных экономических отношениях самих индейских общин, приспособление их к современным условиям, поскольку они рассматриваются сторонниками этой концепции как целостные социальные системы.

Живучесть общин подсказала новый путь – включение их в социально-экономическую структуру государства. Тем более, что они были уже несколько модернизированными, частично подготовленными к новым задачам. С середины 50-х годов попытки сохранить аляскинские этносы нашли свое обоснование в теории развития общин. В понимании сторонников этой теории, общины должны были возрождаться как отдельные замкнутые группы со своими локальными интересами. Развитие капиталистических отношений должно происходить в рамках традиционных общностей, зачастую в форме родственных отношений или родственных обязательств. Предполагалось, что на практике это могло бы вылиться в реализацию двух вариантов общинного развития: либо это – община белых, включающая в себя как низшие слои местные общины национальных меньшинств; либо это – община белых, окруженная общинами-спутниками, состоящими из аборигенного населения.

Этот опыт показал, что использование общин может быть успешным, но только при наличии определенных условий, в числе которых как минимум государственная помощь и строгий контроль за ее распределением, некоторые экономические льготы, использование некоторых из сохранившихся традиционных институтов и т.п. Теория современного развития общин нашла свое воплощение в корпоративном движении, которое поощряет рост индейского предпринимательства как на общинном уровне, так и на индивидуальном. В 60-е годы развитие общин коренного населения Аляски было тесно связано с его борьбой за права на земли. Удовлетворение их требований должно способствовать осуществлению планов экономического развития территории.

Примечания

¹ Жорницкая М.Я. Национальная ситуация в Тувинской АССР и Хакасской АО (май-июнь 1990 г.) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 18. М., 1991.

² Бутанаев В.Я. Этнополитические и этнокультурные процессы в республике Хакасия // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 38. М., 1993.

³ Там же. С. 2.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Москаленко Н.П. Этнополитическая ситуация в республике Тува (1992 г.) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 37. М., 1993.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Кужугет А., Татаринцева М. Этнополитическая ситуация в Республике Тыва накануне и после выбо-

ров в Федеральное собрание России в 1993 г. // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 74. М., 1994.

⁸ *Кыдыева В.Я.* К этнополитической и этнокультурной ситуации в Республике Алтай // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 46. М., 1993.

⁹ *Бухаев С.С.* Этнополитическая и этнокультурная ситуация в республике Бурятия // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 42. М., 1993.

¹⁰ *Жуковская Н.Л.* Республика Бурятия: этнорелигиозная ситуация (1991–1993 гг.) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 56. М., 1994.

¹¹ *Абаева Л.Л., Крянев Б.П.* Социально-политологический анализ выборов в Республике Бурятия (сентябрь, 1994) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 69. М., 1994.

¹² Там же. С. 5.

¹³ *Зыков Ф.М.* Этнополитическая ситуация в республике Саха до и после выборов 12 декабря 1993 г. // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 71. М., 1994.

¹⁴ *Иванов А.М.* Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 61. М., 1994.

¹⁵ Там же. С. 9.

¹⁶ *Исхакова С.М., Валеев Ф.-Т.А.* Сибирские татары: этнокультурные и политические проблемы возрождения // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 92. М., 1996.

¹⁷ *Батянова Е.П.* К этнополитической ситуации в Кемеровской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 39. М., 1993.

¹⁸ *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Ороки Сахалина: проблемы современного развития // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 23. М., 1991.

¹⁹ *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Этносоциальное положение эвенов в Эвено-Бытантайском национальном районе Якутии // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 35. М., 1993.

²⁰ Там же. С. 23.

²¹ *Гурвич И.С., Батянова Е.П.* Современное развитие межнациональных отношений в Чукотском автономном округе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 16. М., 1991.

²² *Васильев В.И.* Проблемы национального развития малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 7. М., 1990.

²³ *Соколова З.П.* Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 4. М., 1990.

²⁴ *Васильев В.И., Малиновская С.М.* Концепция национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 54. М., 1993.

²⁵ *Шнирельман В.А.* Бикинские удэгейцы: политика и экология // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 43. М., 1993.

²⁶ *Ямсков А.Н.* Территории традиционного землепользования в Хабаровском крае // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 96. М., 1996.

²⁷ *Лопуленко Н.А.* Правовой статус и самоуправление у аборигенов Аляски // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 53. М., 1993.

²⁸ *Лопуленко Н.А.* Американский опыт урегулирования проблем коренного населения // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 97. М., 1996.

© 1997 г., ЭО, № 6

Т.П. Р о н. Уйльта Сахалина. Историко-этнографическое исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII – середины XX века. Южно-Сахалинск, 1996. 175 с.

Интерес к культуре коренных народов Сибири и Дальнего Востока, обеспокоенность их будущим приводит исследователей в поле, где каждый находит то, что ищет: кто – материалы по традиционности, кто – по современности; народы изучаются с разных методологических позиций, и при этом всегда остается место для дальнейших исследований.

Не стал исключением и Амуро-Сахалинский регион. Библиография по народам, живущим здесь, обширна и разнообразна благодаря исследованиям многих поколений отечественных, а также зарубежных ученых. Ороки, один из малочисленных народов Севера (320 человек в 1989 г.), среди народов Дальнего Востока занимают особое место. Ученые до сих пор не пришли к единому мнению относительно времени их поселения на Сахалине, не решена проблема этногенеза, своеобразна и все еще малоизучена этническая история, особенности культуры.